

Отрицание науки и пост- правда: новые темные века

Беседа Ричарда Маршалла с философом
Ли Макинтайром



*Ричард Маршалл
(р. 1959) – философ,
писатель, основатель и
редактор философского
онлайн-проекта «3:16».*

*Ли Макинтайр – науч-
ный сотрудник Центра
философии и общест-
венных наук Бостонско-
го университета, автор
детективной прозы.*

Ричард Маршалл: Что подтолкнуло вас к тому, чтобы стать философом?
Ли Макинтайр: Этому способствовали два фактора, оба из детства. Я обожал читать энциклопедию «World Book». У моих родителей не было высшего образования, но они хотели, чтобы я поступил в университет, поэтому дома было много книг, а венчала все энциклопедия, в которой рассказывалось «обо всем». Я обожал читать статьи о мыслителях – ученых, философах, писателях. И однажды вдруг понял, что это люди, о которых все помнят. Они попали в энциклопедию. Позже, когда мне было лет десять, я спросил у мамы (это был разгар войны во Вьетнаме), почему мир так ужасен. Она ответила, что многих проблем никто пока не может решить, но в каком-нибудь хорошем университете над этим наверняка бьются. И сразу стало ясно, кем надо быть. У кого, как не у профессоров, есть время сидеть и размышлять, как сделать мир лучше? До философии оставался один шаг, хотя сделал я его гораздо позже. В детстве меня больше занимали проблемы бесконечности пространства, вопрос, почему я родился на Земле в это время, а не какое-

ИНТЕРВЬЮ
«НЗ»



нибудь другое. Уже в колледже я понял, что это философские проблемы. И тут же почувствовал себя как дома.

**РИЧАРД МАРШАЛЛ –
ЛИ МАКИНТАЙР**

ОТРИЦАНИЕ НАУКИ
И ПОСТПРАВДА: НОВЫЕ
ТЕМНЫЕ ВЕКА

Р.М.: Сейчас растет число отрицателей науки, а вы как раз изучаете этот феномен¹. Кто-то считает, что Земля плоская, кто-то не верит в прививки, кто-то разделяет конспирологические теории о коронавирусе – одним словом, опирается на идеологию, а не факты. Есть ли у этих направлений общий корень или это разные вещи? Связаны они с отрицанием науки вообще или людям просто кажется, что науку выборочно используют для неподходящих политических задач?

Л.М.: Думаю, у всех форм отрицательства есть общий корень и единая логика. Несколько лет назад братья Хуфнагели² выделили пять ее отличительных черт: (1) тенденциозность в подборе фактов; (2) склонность к теории заговора; (3) непоследовательность в доказательствах; (4) ссылки на лжеэкспертов; (5) уверенность, что в науке не бывает противоречий. Этой извращенной логике следуют и сторонники теории плоской Земли, и антиваксеры, и отрицатели эволюции, изменения климата или ГМО, разоблачители коронавируса и так далее. Не думаю, что все эти виды отрицательства основаны на одной и той же идеологии, но вы правы: в основе своей они идеологичны. Иногда это политическая идеология, иногда экономическая или религиозная. Люди слишком сильно привязаны к какой-то своей вере, и, если она противоречит науке, они предпочитают отказаться именно от науки. Но они не против науки как таковой, а только против той ее части, которая посягает на их святую веру. Однако нельзя забывать, что отрицание науки касается не отдельных фактов, а процесса научного поиска истины. Ссылки на теорию заговора, двойные стандарты и тенденциозность в отношении фактов – в науке это табу.

Р.М.: В чем, на ваш взгляд, важность такого явления, как отрицательство? В конце концов, большинство людей на Земле понятия не имеют, что такое наука, и верят в странные вещи, даже если сами при этом ученые – ведь и среди ученых немало людей верующих. Тот же Ньютон – величайший ум всех времен – был глубоко религиозен. Похоже, людей такие противоречия не пугают.

Л.М.: Опасность отрицания науки в том, что мы считаем возможным отвергать то, что нам кажется неправдой, не утруждая себя поиском доказательств. А это заразно. Для тех, кто верит в теории заговора, например, характерно, что они верят сра-

1 См.: McINTYRE L. *Respecting Truth: Willful Ignorance in the Internet Age*. London: Routledge, 2015.

2 Марк и Крис Хуфнагели, ученый-физиолог и юрист из США, авторы платформы *scienceblogs.com*, где они и предложили эти пять критериев.



зу в несколько. Пусть какие-то из них безобидны, но другие могут оказаться весьма опасными. Поэтому важно держаться веры в рациональность – особенно когда речь заходит об эмпирических предметах. Зачем позволять человеку выбирать, что правда, а что нет, не основываясь ни на чем, как будто наука – это буфет, где выбираешь то, что тебе нравится? Я таких людей называю «буфетными скептиками», потому что для них наука – это способ обоснования того, во что они и так уже верят, и их совершенно не интересует наука, которая будет противоречить тому, что они считают истиной. С учеными подобное, разумеется, тоже бывает, но – хочется верить – значительно реже. Я со всей серьезностью отношусь к отрицанию науки, потому что в последнее время оно стало повсеместным: мы рискуем погрузиться в культуру отрицательства, где истиной может быть объявлено все что угодно. Не верите – послушайте Трампа и еще 75 миллионов республиканцев, утверждающих, что выборы 2020 года были якобы сфальсифицированы.

Р.М.: Вы писали, как бороться с теми, кто отрицает науку и верит в теории заговора³. Не могли бы вы рассказать поподробней, что нужно делать и почему нельзя просто подождать в сторонке, пока все само не рассосется?

Л.М.: Не рассосется. Отрицание науки только ширится. Нельзя думать, что если не обращать внимания, то проблема исчезнет сама собой. Сейчас происходит следующее: если человек верит в какую-нибудь абсурдную идею, у него тут же находятся единомышленники, которые постят все это в свои группы в соцсетях. Это путь в пропасть. Если человек верит в какую-нибудь белиберду в одиночку, он может передумать. Но если собирается целое сообщество, то переубедить их будет гораздо сложнее. Когда разговариваешь с человеком, который верит в теорию заговора, важно понимать, что факты тут бессильны. Как такое возможно? Факты, которые согласуются с их теорией, они и так приведут. А если фактов нет или есть факты, свидетельствующие об обратном, они скажут, что это только доказывает хитроумие заговорщиков! Как можно опровергнуть такую теорию? Да никак! Когда разговариваешь с конспирологом, важно помнить, что у него разрушено чувство доверия. Если говорить с ним спокойно и терпеливо, даже попросить что-то пояснить, он порой сам вдруг поймет всю абсурдность того, что излагает. Об этом есть прекрасная книга Мика Уэста «Вылезая из кроличьей норы»⁴. Есть еще отличная работа по

3 См.: MCINTYRE L. *How to Talk to a Science Denier: Conversations with Flat Earthers, Climate Deniers, and Others Who Defy Reason*. Cambridge: MIT Press, 2021.

4 WEST M. *Escaping the Rabbit Hole. How to Debunk Conspiracy Theories Using Facts, Logic, and Respect*. New York: Skyhorse Publishing, 2018.

логике теорий заговора – «Конспирологические теории» Кассима Кассамы⁵.

**РИЧАРД МАРШАЛЛ –
ЛИ МАКИНТАЙР**

ОТРИЦАНИЕ НАУКИ
И ПОСТПРАВДА: НОВЫЕ
ТЕМНЫЕ ВЕКА

Р.М.: Многие считают, что к верованиям другого человека нужно проявлять терпимость, даже если ты их не разделяешь. Брайан Лейтер, например, выступает за веротерпимость⁶, хотя к религии относится негативно. Вы же, соответственно, против терпимости?

Л.М.: Нет, не против, если то, во что человек верит, затрагивает только его самого. А если это причиняет вред всем остальным, то тут должны действовать определенные нормы. Например, мы пошли на лодке удить рыбу, а вы не взяли спасательный жилет, потому что считаете, что на все Божья воля, – это одно. Но если начался шторм, а вы хотите сломать рацию, потому что «Бог нас и так спасет», то вы ставите под угрозу и мою жизнь. Мне кажется, что большинство отрицателей науки поступают именно так. Если ты веришь, что Земля плоская, то тебе же и хуже (хотя ты тем самым все равно поддерживаешь культуру отрицательства, которая вредит обществу). А что делать с теми, кто не верит в изменение климата или вакцину от коронавируса? В данном случае, мне кажется, я имею право проявить нетерпимость, потому что эти иррациональные и ложные представления угрожают окружающим. Я не говорю, что это дает мне право запретить им топить печь углем или насильно сделать им прививку, но я вправе отвергнуть их убеждения и указать на их ошибочность. То, что они делают, не только иррационально, но и аморально.

Р.М.: Все это приводит к вопросу о демаркации: что отличает науку?⁷ Имеется более-менее всеобщий консенсус о том, что научного метода не существует, а значит, демаркация – это вопрос идеологии и вкуса, утверждение же непогрешимости науки – скорее махровый сциентизм, а не разумное утверждение. Не могли бы вы описать принципы демаркации? Считаете ли вы, что все они работают? Позитивизм постепенно пришел к самоотрицанию – может, и наука в итоге придет к тому, что она несостоятельна?

Л.М.: Философы науки на протяжении последних ста лет – по сути, с момента появления самой этой дисциплины – искали критерий, позволяющий надежно отличить науку от ненауки

5 CASSAM Q. *Conspiracy Theories*. Oxford: Polity Press, 2019. Интервью Ричарда Маршалла с Кассимом Кассамом публиковалось в «НЗ»: *Пороки разума: фейк-ньюс, теории заговоров, брежня и прочее. Ричард Маршалл беседует с философом Кассимом Кассамом* // Неприкосновенный запас. 2020. № 1(129). С. 3–12.

6 LEITER B. *Why Tolerate Religion?* Princeton: Princeton University Press, 2012.

7 См.: MCINTYRE L. *The Scientific Attitude: Defending Science from Denial, Fraud, and Pseudoscience*. Cambridge: MIT Press, 2020.



(или псевдонауки – это уже вопрос подачи). Ничего не вышло. Лучшим критерием был один из самых первых – его предложили Альфред Айер и логические позитивисты: принцип верификации. Он гласит, что некое высказывание осмысленно, если оно каким-то эмпирическим образом влияет на ваш опыт. Но, как вы отметили, в итоге случился конфуз: сам принцип верификации оказался неверифицируемым. Причины упадка позитивизма скорее технические, но главной неудачей стало то, что они не смогли решить проблему индукции.

А потом пришел Карл Поппер и сказал, что проблему индукции решать не надо, потому что наука основана на дедукции – в частности, на фигуре *modus tollens*, – поэтому гипотезы нужно не верифицировать, а фальсифицировать. Такое основание научной логики, по его мнению, решало проблему демаркации. Поппер и сам не верил в научный метод. Но не верил он и в то, что решать, что наука, а что не наука, – дело вкуса. Он верил в разграничение. Впрочем, его теория тоже столкнулась с проблемами (опять же техническими, но, как ни странно, вполне в духе того, что случилось с позитивистами: фальсификация оказалась очень похожей на скрытую верификацию).

После этого в философии науки начался разброд и шатание. Лишь в конце XX века Ларри Лауден опубликовал статью «Конец проблемы демаркации»⁸, в которой говорит, что она в принципе неразрешима. Если бы мы могли ее решить, мы уже решили бы. И приводит вполне убедительные доводы в пользу того, что невозможно создать необходимые и достаточные условия для логического решения проблемы демаркации. Если пользоваться индукцией, то решения нет.

Но тут надо дать оценку. Если ты говоришь, что отказываешься от решения проблемы демаркации, это не значит, что ты отказываешься признавать за наукой особый характер. В своей книге «Научный подход» я говорю, что науку отличает не логика или метод, а подход к фактам. Научный подход состоит в том, что (1) ученым важны факты и (2) они готовы менять свою точку зрения в свете новых фактов. Вот и все. Это не разрешает проблему демаркации, но позволяет сохранить главную мысль Поппера: что ученые проверяют, не противоречит ли теория фактам. Мне кажется, именно это и отличает науку. Кстати, это может быть и орудием борьбы с отрицателями науки, шарлатанством и псевдонаукой. Это довольно крепкий инструмент. Наука строится на принципе, что те, кто ею занимается, проверяют исследования друг друга, не позволяя друг другу расслабиться. Это редкая, поразительная вещь. Мне бы хотелось, чтобы люди мыслили подобным образом.

8 LAUDAN L. *The Demise of the Demarcation Problem* // COHEN R.S., LAUDAN L. (Eds.). *Physics, Philosophy and Psychoanalysis: Essays in Honor of Adolf Grünbaum*. Dordrecht: D. Reidel, 1983. P. 111–127.

Р.М.: Поппер, из-за которого вы занялись философией науки, считал, что общественные науки науками не являются⁹. Как же быть с научными притязаниями, которые не сводятся к физике и законам природы? Если вопросы, которые поднимают общественные науки, никак не связаны с естествознанием, то чем философские основания биологии или химии отличаются от, например, экономики или социологии?

Л.М.: Это же тема моей диссертации! Не буду пересказывать все 400 страниц, ограничусь кратким резюме. Когда мы говорим о «редукции к физике», важно понимать, что имеется в виду. Во-первых, есть метафизический вопрос: имеется ли материальная зависимость причин или законов второго порядка от отношений первого. Второй вопрос: если такая зависимость имеется, значит ли это, что их можно полностью вывести из отношений первого порядка? Даже если говорить о материи, не обладающей сознанием и самосознанием, если верно первое, второе из него с необходимостью не следует. В химии, скажем, есть множество эмерджентных явлений – таких, как запах или прозрачность. Это не сверхъестественные явления, но их нельзя полностью объяснить физическими взаимодействиями на атомарном уровне, потому что такое дескриптивное понятие, как запах, существует только на более высоком уровне описания. Можно ли применить этот принцип к поведению человека? В полной мере.

С поведением же человека, как вы отметили, у нас довольно необычная проблема. Обладаем ли мы свободой воли? Являемся ли мы субъектами своего поведения? Или мышление следует считать «эпифеноменом», продуктом причинно-следственных отношений между мозгом и жизнедеятельностью? Поведение человека с самого начала путало ученых все карты. Как, например, застраховаться от того, чтобы объект изучения тебя не подслушал и не изменил своего поведения? Это весьма неприятный фактор. Но даже с учетом этого нельзя, как мне кажется, говорить, что человеческое поведение не подчиняется никаким законам. Они, наверное, не похожи на физические законы, но, вообще говоря, поведение человека вполне предсказуемо – причем не только в группе, но даже на индивидуальном уровне.

Р.М.: Почему, на ваш взгляд, чтобы понять уникальность науки, надо уделить основное внимание ее неудачам, а не ее успехам?

Л.М.: Одна из проблем истории науки в том, что она по большей части посвящена научным победам, пусть их и было немало. Но если мы хотим понять, почему наука устроена так, а не иначе, то, я думаю, мы узнаем много нового, обратившись к на-

⁹ См.: McINTYRE L. *Laws and Explanation in the Social Sciences*. London: Routledge, 2019.



учным провалам. Ученые постоянно ошибаются, отступают на шаг назад, меняют подход, заходят в тупик, выдвигают новые гипотезы – это и значит заниматься наукой. Если пытаться понять, что такое наука, изучая лишь достижения – скажем, как теория Эйнштейна приходит на смену ньютоновской, – взгляд будет однобоким. Это все равно, что стрелять из лука куда попало, а потом рисовать мишень вокруг воткнувшихся куда-то стрел. В науке царит неопределенность. Поэтому мы не должны забывать о тех случаях, когда она ошибалась. Чтобы понять специфику науки, лучше всего посмотреть на другие области знания, которые пытаются, но не могут стать наукой. Что с ними не так? Чтобы понять науку, надо в том числе изучить и то, что наукой не является.

Если пытаться понять, что такое наука, изучая лишь достижения, взгляд будет однобоким. Это все равно, что стрелять из лука куда попало, а потом рисовать мишень вокруг воткнувшихся куда-то стрел.

Р.М.: Тут уместно перейти к актуальной теме постправды. Что это такое и почему она так ужасна? Может, это просто новая версия *брехни*?¹⁰ Постправду часто увязывают с ультраправой, фашистской или популистской идеологией, но многие элементы постправды вполне похожи на левый постмодернизм – на какого-нибудь Деррида, конструктивистов, культурных релятивистов, приверженцев политики идентичности и так далее и тому подобное. Вам не кажется, что левацкого духа в постправде не меньше, чем консервативного? Левые популисты пользуются этой тактикой так же ловко, как и правые.

Л.М.: В книге «Постправда»¹¹ я определяю это понятие как «подчинение реальности политике». Это ужасно, потому что это во многом полная противоположность науке. Ты заранее определяешь, что есть истина, а потом пытаешься убедить в этом остальных. И это совсем не брехня. Почитайте Гарри Франкфурта: он прямо пишет, что человека, который брешет, истина не волнует. Впрочем, приверженцев концепции постправды истина очень даже волнует, потому что они хотят контролировать нарратив о том, что является правдой, а что нет. Чаще всего это авторитарные лидеры и их окружение, которые понимают, что население лучше всего контролировать через информацию, которую оно получает. Лучшее всех это выразил историк Тимоти Снайдер: «Постправда – это протофашизм».

10 Термин Гарри Франкфурта. См.: FRANKFURT H. *On Bullshit*. Princeton: Princeton University Press, 2005.

11 См.: MCINTYRE L. *Post-Truth*. Cambridge: MIT Press, 2018.

Откуда взялась постправда – вопрос спорный: думаю, источников несколько. Главный – отрицание науки. Люди весьма успешно отрицали эволюцию или изменение климата на протяжении семидесяти лет, и это не могло не привлечь внимания политиков. Однажды они решили: «Если можно врать о научных фактах, то можно врать обо всем» – например, о результатах выборов. Я согласен, что одним из источников является постмодернизм, а это по большей части явление левого толка. Но они ведь это не специально. Постмодернисты просто игрались с концепцией о том, что объективной истины не существует, из чего, видимо, следует, что претензия на истинность – на самом деле борьба за власть. Это все прекрасно, пока ты сидишь в университете и занимаешься литературоведением, но в какой-то момент начались «научные войны» – гуманитарии начали отрицать истинность науки. А уже оттуда это все перетекло в арсенал консервативных политиков. Те просто подобрали оружие с поля боя и направили его против тех, кто его придумал. Постмодернисты иногда обижаются, когда я «обвиняю» их в отрицании реальности в духе Трампа, но я лишь хочу сказать, что, даже если намерения их были чисты, результаты оказались плачевными. Как говорил Джордж Оруэлл: «Левые в своих рассуждениях часто похожи на людей, которые играют с огнем, даже не зная, что огонь горячий».

Р.М.: Наш разговор как будто бы подтверждает важность философии науки, потому что наука выступает за истину против лжи и отрицательства. Но почему именно философия науки, а не сама наука? Может, наука сама во всем разберется и ответит на все вопросы?

Л.М.: Ученые в большинстве своем изучают эмпирическую реальность, эпистемологические проблемы их особо не занимают, а если и занимают, то очень часто они их совершенно неверно понимают. Я вижу, как ученые защищаются от отрицателей, утверждая, что изменение климата «доказано». Это неверный подход. Они сами прекрасно знают, что это неправда. Учитывая имеющиеся данные, изменение климата очень очень правдоподобно. Но, если скажешь такое, отрицатель сразу закричит: «Ага!». Тут-то и нужна философия науки. Мы рассматриваем науку как форму знания, мы говорим о гарантиях и основаниях. Ученым было бы полезно знать такие вещи. Поэтому – да, я действительно считаю, что философия науки занимается важными вещами и в том числе защищает ученых. А они, как правило, этого не ценят. Почитайте Шелдона Глэшоу, Стивена Вайнберга, Стивена Хокинга и прочих – все они отзываются о философах весьма нелестно. А хуже всех вообще мой любимый Ричард Фейнман: он говорит, что филосо-



фия науки нужна ученым так же, как орнитология птицам. Но если это так, то почему ученым сейчас не удается отбиться от критики общества? Легко сказать: «Да не о чем с ними говорить» – и вернуться в свою лабораторию с чувством собственной правоты. А толку-то? Отрицателей науки с каждым днем все больше. Сейчас для ученых не тот момент, чтобы отказываться от помощи.

Р.М.: Есть ли в науке законы или имеются более совершенные формы научного описания? А если законы все же есть, то что они из себя представляют?

Л.М.: Законы есть, но в данном случае это не какая-то однозначная дедукция, не допускающая исключений. Законы – это хорошо доказанные закономерности, согласующиеся с наблюдаемыми фактами, но гипотетически допускающие альтернативные модели. Что это значит? Я переделал свою диссертацию в книгу «Законы и объяснение в общественных науках», в которой утверждаю, что научные законы не просто существуют, но даже и управляют поведением человека. Что это за законы? Я написал эту книгу в 1996 году, и последнее время она что-то плохо продается. Так что сохраню интригу для читателей.

Р.М.: Вы пишете, что кто-то может отрицать науку, потому что ждет от нее полной определенности, но ее не получает¹². В чем же притягательность научных моделей, нестрогих законов и вероятностей, если они не дают определенности?

Л.М.: Надо исходить из реалий эмпирического исследования. Если считать основой науки индуктивное рассуждение – а так оно и есть, на мой взгляд, – то становится понятно, что наука в принципе не может доказать что-либо с полной определенностью. Я как-то писал, что главным для науки является «научный подход», то есть внимание к фактам и готовность изменить свою позицию ввиду новых фактов. Наука не дедуктивная логика: она не может что-то решить раз и навсегда, какими бы красноречивыми ни казались факты. Всегда есть шанс, что в будущем появится факт, который обрушит всю теорию, – и это хорошо. В этом и заключается своеобразие науки. Наверное, многие неправильно это понимают. Отрицатели настаивают на доказательности и строгости в науке и нервничают, когда не находят этого. Возможно, вы правы: им недостает «доказательств» и «гарантий», и они ищут покоя и определенности где-то еще. Можно только пожелать им удачи. Если уж в науке нет гарантий, где ж ты их найдешь? Разве что во лжи и в бреде.

12 См.: ИДЕМ. *Explaining Explanation: Essays in the Philosophy of the Special Sciences*. Lanham: University Press of America, 2012.

Человеку, слепо верящему во что-то, хватает определенности. Это дает покой, но об эмпирической реальности таким способом много не узнаешь.

Ведь посмотрите, что происходит: мы отбрасываем кучу фактов – пусть даже они не являются полностью доказательными – ради гораздо менее очевидных теорий, и все только потому, что так спокойней. Тут дело не в науке. Отрицание науки – это не просто отбрасывание каких-то неудобных научных фактов, это отрицание научного подхода. Помните пятый пункт в методичке отрицателей: настаивать, что в науке не бывает противоречий? Вот откуда ноги растут.

Р.М.: Итак, научные теории – всего лишь модели. А как они работают? Не уводит ли они нас в какой-то антиреализм, ведь модель вселенной – это же упрощенная версия реальной вселенной. Как тут быть с претензией на истинность? «Это только ваша модель», «ваша интерпретация» и так далее – а как же истина? Тем более, что физика оказалась неспособна вывести из своих теорий непротиворечивую онтологию.

Л.М.: Не думаю, что антиреализма следует опасаться. Это вообще провокационный термин. Я вот что хочу сказать: куча философов считают, что единственный способ защитить науку – сказать, что она изучает реальность. Что мы собираем все больше и больше фактов и таким образом приближаемся к истине, а значит, наша вера в науку становится еще более обоснованной. Пусть так. Это реализм. Эти философы взяли на щит Хилари Патнема, который говорил, что если научные открытия не являются истиной, то почему же они так хорошо работают. Но я думаю по-другому. Вы правы: модель вселенной – это не вселенная. Теория не тождественна феномену, как схема дорог сама по себе не является дорогой. Ничего не поделаешь. Но теории бывают хорошими и плохими; их оценивают по тому, насколько они соответствуют наблюдаемым в реальности фактам. *Однако это не значит*, что когда-нибудь мы обретем полную уверенность, что мы нашли *истину*. Поэтому реализм тут не работает. Я же верю в принцип недодетерминации. (Одна из моих любимых работ по этой теме – статья Хелен Лонджино «Недодетерминация: маленький грязный секрет?»¹³.) Я считаю, что реальность соответствует различным моделям, причем некоторые дают хорошие теории, а некоторые нет. Но даже тех, что полностью соответствуют фактам, не так мало. Как можно выбрать одну и сказать, что это истина? Разве что произвольно. Реалисты, надо сказать, так и поступают: отдают предпочтение имеющимся теориям перед гипотетическими и будущими.

13 LONGINO H. *Underdetermination: A Dirty Little Secret*. London: Department of Science and Technology Studies, UCL, 2016 (www.ucl.ac.uk/sts/sites/sts/files/longino_2016_underdetermination.pdf).

РИЧАРД МАРШАЛЛ –
ЛИ МАКИНТАЙР

ОТРИЦАНИЕ НАУКИ
И ПОСТПРАВДА: НОВЫЕ
ТЕМНЫЕ ВЕКА



А зачем? Реальность можно описать разными способами. Причем я говорю о корректных описаниях – о тех, что работают. А значит, возможны множественные корректные описания одной и той же реальности. Это не отменяет того, что наука исследует «истину». С этим я не спорю. Но есть ли альтернатива? Никто не говорит, что индуктивная логика – путь к истине. Она позволяет отбросить ошибочные теории (подход Поппера), но она не может сказать: «Все, у нас есть стопроцентно точная теория и никакие факты ее не опровергнут». А почему, собственно? Потому что это было бы ненаучно. Поэтому я не знаю, что ответить на жалобы, что, мол, пусть наука и лучший способ познать реальность, она несовершенна. Мы снова оказываемся в платоновской пещере: видимые феномены – как тени на стене, которые как-то коррелируют с реальностью, которой мы не видим. Мы описываем тени, ищем закономерности и таким образом пытаемся поближе узнать то, что считаем истиной. Но сможем ли мы когда-нибудь сказать, что достигли ее? Нет. Ничего не поделаешь. Так работает индуктивная логика. Как в афоризме Уинстона Черчилля: «Демократия – наихудшая форма правления, если не считать всех остальных».

Р.М.: Юм описал классический парадокс индукции. А байесовская вероятность¹⁴ тут не поможет?

Л.М.: Увы, основная проблема индукции не решена. У Деборы Майо есть важный текст с критикой байесовского подхода. Для многих философов науки теорема Байеса чуть ли не священна, но с ней есть потенциальные проблемы. Иногда люди с удивлением узнают, что в философии статистики сейчас идет горячий спор о том, мешают ли начальные предположения при изучении потенциально бесконечного массива данных. Дебора Майо проливает на это свет в книге «Ошибка и рост экспериментального знания»¹⁵. Я считаю, что научный подход работает и в байесовской модели, и во фреквентистской, и где угодно еще. Единственный важный принцип – ученый смотрит на факты. Как именно он их анализирует – это его дело.

Р.М.: Вы сотрудничали с ярим натуралистом Алексом Розенбергом. Вы и сами яркий натуралист и одновременно сциентист?

Л.М.: Этот яркий натуралист – мой учитель, ставший лучшим другом. Мы начали общаться, когда я учился в колледже и написал ему письмо. Это не значит, что мы не расходимся во многих философских вопросах – например, недодетерминации. А что

14 Байесовская вероятность определяется как степень уверенности в истинности суждения, для определения которой используется теорема Байеса (названа в честь британского математика Томаса Байеса (1702–1761), доказавшего частный случай этой теоремы).

15 См.: МАЙО D.G. *Error and the Growth of Experimental Knowledge*. Chicago: University of Chicago Press, 1996.

понимается под натурализмом, для меня всегда остается загадкой. Философы называли натурализмом три разных течения мысли. В прошлом я сам себя называл методическим натуралистом, потому что считаю, что у естественных и общественных наук должны быть одни и те же методы. Но вы, надо полагать, имеете в виду натурализм в более строгом смысле: как концепцию о том, что все явления второго порядка можно объяснить явлениями первого порядка. Некоторые доводят это до физикализма, опирающегося на крайне бедную онтологию. Да и вообще не так мало людей не стесняются быть редукционистами. Но я не из таких. Я считаю, что явления первого порядка (то есть атомы, клетки, нейроны) определяют явления второго порядка (камни, люди, сознание), но это не значит, что объяснять их мы можем, только сводя одно к другому в материалистических терминах. Дело не в том, что я считаю, будто существует еще какая-то призрачная нематериальная сила, а в том, что на самом деле это проблема объяснения – то есть это вопрос эпистемологический, а не онтологический. Когда мы пытаемся объяснить некие явления второго порядка, мы должны понимать, что, даже если они метафизически зависимы от отношений первого порядка, иногда их проще объяснить как независимые. Атомы, клетки, нейроны даже на физическом уровне не являются какими-то естественными элементами, они зависят от описания, они укоренены в какой-то теории. А эта теория на одном уровне может что-то объяснять, а на другом – нет.

Возьмем уже упоминавшийся пример прозрачности. В химии это эмерджентное явление, на 100% зависящее от отношений на атомарном уровне, но при этом описать его только в этих терминах невозможно. Прозрачность, запах, отчуждение, сознание, революция, жизнь, инфляция – все эти понятия существуют только на втором уровне. Соответственно, и описывать их надо на этом уровне. Значит ли это, что их невозможно объяснить научно? Едва ли. Мне кажется, наука работает на разных уровнях описания. Как я уже говорил, эмерджентные законы возможны даже в общественных науках. Значит ли это, что я сциентист? Вовсе нет, хотя я, конечно, большой любитель науки.

Р.М.: Считаете ли вы, что, если говорить о понимании поведения человека, мы до сих пор находимся в «темных веках»? И если да, то что же нам делать?

Л.М.: Одна из моих первых книг так и называлась: «Темные века: в защиту науки о поведении человека»¹⁶. Там я утверждаю, что политическая идеология делает с общественными науками

**РИЧАРД МАРШАЛЛ –
ЛИ МАКИНТАЙР**

ОТРИЦАНИЕ НАУКИ
И ПОСТПРАВДА: НОВЫЕ
ТЕМНЫЕ ВЕКА

16 См.: McINTYRE L. *Dark Ages: The Case for a Science of Human Behavior*. Cambridge: Bradford Books, 2006.



РИЧАРД МАРШАЛЛ –
ЛИ МАКИНТАЙР

ОТРИЦАНИЕ НАУКИ
И ПОСТПРАВДА: НОВЫЕ
ТЕМНЫЕ ВЕКА

то же, что религиозная идеология делала с естественными науками во времена Галилея. Я против любых идеологических примесей в науке. Для меня мышление «темных веков» означает желание получить ответ, ясность любой ценой, а если какие-то факты этому противоречат, то это происки дьявола. Я считаю, что это черта нелюбопытного сознания. Ученые порой ошибаются, но делают это без злого умысла. Расскажу вам грустную историю. В книге «Темные века» я писал, что естественные науки достаточно строги и мы должны основываться на них, чтобы изучать и лучше понимать поведение человека. После того, как книга вышла, стало модно отрицать науку, в том числе достижения естествознания! Тогда я написал еще одну книгу – «С уважением к истине»¹⁷, в которой поспорил с отрицателями эволюции и изменения климата, демонстрируя несурзности в их аргументации. Неужели они не понимают, что их доводы ненаучны? А потом вы сами знаете, что произошло. Дальше стало еще хуже. Безудержное отрицание науки дало метастазы в виде постправды и отрицания реальности при Трампе. Всю свою жизнь я хотел защищать науку, расширять ее, а окружающий мир выбивает у меня почву из-под ног и нападает на науку даже там, где она прекрасно работает. Все это на самом деле очень грустно. Я иногда сомневаюсь, что моя работа кому-то нужна, но сдаваться нельзя. В детстве я читал энциклопедию и расстраивался, что родился слишком поздно, когда все главные открытия уже сделаны. Кто теперь усомнится в науке и рациональности? Все отрицатели давно умерли. О, как же я ошибался!

Перевод с английского Ольги и Петра Серебряных